А. И. Солженицын

Школьников учат по неправильным учебникам*

Встреча с писателем за несколько дней до известий о трагедии в Соединённых Штатах. Телевизионное интервью Солженицына — всегда событие. На прошлой неделе нам удалось с ним встретиться. Сейчас писатель поглощён работой над вторым томом книги 200 лет вместе. Это глубокое исследование истории взаимоотношений русского и еврейского народов. Тут же, на столе, — проект новой реформы образования. Именно об этом, о будущем нации, о будущем нашей мысли — и переживания Александра Солженицына.

— Александр Исаевич, когда мы договаривались с Вами о встрече, Вы сказали, что Вас в первую очередь сейчас тревожит тема реформы образования. Почему?

— Она всех волнует. И все понимают, что образование — это будущее нашей страны и будущее место нашей страны в мире. В результате самотёчных реформ, лжереформ 90-х годов, мы обрушили наше образование в глубокий упадок, в слабость, бессилие. Школьные здания за эти годы ветшают, не ремонтируются. В некоторых уже нельзя заниматься. Учебные пособия истрачиваются, стареют, не заменяются. С учебниками по истории хаос. В них нет ясных, отчётливых оценок событий. Сейчас правительство тоже это признало. Признали, что учебники по истории нашей не годятся.

— Как раз об учебниках истории на этой неделе говорили все, начиная от министров, заканчивая политиками. Все вдруг взялись за учебники истории. Вы за всем этим наблюдали. Вам самому не хотелось взять и написать?

— Хотелось. Я в своё время писал отзывы на некоторые учебники, но за всеми не поспеешь. Уже сил нет на всё. Сейчас нам обещает правительство, что через год будут хорошие учебники. Но это неосуществимо, потому что за год хорошие учебники написать нельзя. Государство не справилось с бесплатностью учебников — передали регионам. Регионы практически передали родителям. Представители разных фондов, российских и зарубежных, пользуясь этим, предложили подарок — тиражи бесплатных учебников. Дарёному коню в зубы не смотрят. И за тем, как они направляют мозги наших учеников, не уследишь.

— Но Вы сами ведь учитель истории, наверное, поэтому Вы с такой болью говорите?

— Для меня это очень больно. Учительство брошено в нищету, в унижение. Учительницы в отпуске ездят челноками, подрабатывают. Учительство изолировано от культурных контактов. Нет средств выписывать журналы по

*Интервью телевизионной программе Вести недели, сентябрь 2001 г. Размещено на веб-сайте передачи Вести недели по адресу `http://www.vesti7.ru/archive/news?id=429`. Текст интервью приводится с авторской правкой, сделанной А. И. Солженицыным для настоящего издания.

специальности. Нет средств поехать в отпуск в культурные центры и там пообщаться.

И, наконец, наши дети. Какого же детства они заслужили? В каком виде они прожили это десятилетие? Целое поколение прошло через школу. И они выходят часто болезненными. Иногда недоуменными, иногда недовоспитанными.

Что же требуется? Требуются длительные, затратные государственные усилия. Многозатратные. Вот так стоит вопрос, чтобы поднять школу из того положения, куда мы её обронили. Это очень большая работа. А между тем за эти годы в Министерство образования приходили разные — поспешные, необдуманные, иногда ложные, иногда просто легкомысленные проекты реформ.

— А что Вы считаете легкомысленным из того, что предлагалось?

— Они не понимают огромной цельности задачи — как глубоко школу уронили и как надо в целом её поднимать. Казалось бы, вопрос, который касается всех, каждой семьи в России. Но всенародного обсуждения не будет. В чиновных кругах пройдёт обсуждение, чиновники решат. Как решат, так и будет.

Среди фаворитов сейчас выдвигается так называемый единый государственный экзамен. То есть одновременно один экзамен — сдача выпускного из школы, он же приёмный в институт. Уже то неправильно, что совмещаются эти совсем не обязательно совмещаемые вещи. Среднее образование должно быть настолько полным, чтобы человек мог без расчёта на высшее прожить с поднятой головой. Оно должно быть полноценным, фундаментальным.

— Александр Исаевич, ну почему же так плохо? Многие как раз сельские ученики говорят, что без единого экзамена они не смогли бы поехать, например, на вступительный экзамен.

— Мы десятилетиями не могли поднять уровень сельского образования до городского. И это осталось. И если экзамен будет строгим, то мы отсеем сельских выпускников.

Если сейчас ввести вот такую систему, то институты и университеты обязаны принять по какой-то безымянной грамоте, ничего не проверяя, обязаны принять. Если их заставят принимать, они должны будут доучивать один год студенческий, второй год студенческий. Они, естественно, противятся. Так что облегчения это сельским школьникам не даст.

Из чего этот экзамен будет состоять? Предлагается скопировать старую американскую систему, едва ли не 20-х годов — систему тестов. Она десятилетиями шла в Америке. Американцы в ней разочаровались и теперь ищут пути отказаться от неё. Мы же наш уровень, который годами был выше американского, спускаем вниз. Что это за тесты? Вместо фундаментального экзамена некие сочинители подбирают искусственные вопросы по разным кусочкам темы. И на эти вопросы составляют свои ответы — 4-5 вариантов. Из них все неверные, кроме одного, и нужно угадать. Такой экзамен исключает интеллект ученика. Он исключает его способность развивать свою мысль, доказывать и отстаивать её. Пёстрые клочки, пренебрежение ходом мысли. При такой системе выигрывает, кто имеет клочные, надёрганные, случайные знания — и отсеиваются именно талантливые, логичные, люди самостоятельного ума.

В самих школах теснят весь основной корпус традиционных предметов. То предложат, например, физику, химию, биологию объединить в один предмет — естествознание. В школах отказываются от письменных работ, от сочинений — того, что выявляет истинность или неистинность знаний.

Ищут место для новых предметов, например политология, социология, культурология, право, экономика, менеджмент, маркетинг. Они, мол, нужны для рынка труда. Они нужны. Но то, что они предлагают, есть профессиональное образование по отношению к средним школам. Средние школы трогать нельзя.

— Александр Исаевич, позвольте возразить. В последние годы, в конце 80-х всегда было профессиональное образование в старших классах — 8-й, 9-й, 10-й класс?

— Это спорный вопрос. Нужно ли ужимать среднее образование, которое, может быть, останется достоянием человека на всю жизнь? Нужно ли вставлять профессиональное образование, которое, может быть, этому человеку никогда и не понадобится. Кому неймётся добавить 12-й класс — вот и вводите туда профессиональное образование. Общее среднее должно давать образование **всестороннее**. Предлагаемые ныне реформы ведут к **упадку** массового образования.

Мы обронили за это время сквозь мелкие потоки так называемой массовой информации, сквозь вспышки так называемой массовой поп-культуры даже уже и сам русский народ. Послушайте наших политических деятелей. Когда, кто из них, по какому поводу употребит слово русский? Не употребляют они, потому что не нужно. Потому что их разработки это не затрагивают. Потому что русская проблема ни с какой стороны никогда никуда не входит. Она не запрещена юридически, а просто мы сами уже стесняемся её вставлять. Она вроде не нужна.

Если какое-нибудь культурное общество или издание сейчас вмещает в своё название слово русский, то это вызывает недоумение, а иногда подозрительность, что это шовинизм, расизм. Вот я читаю в докладе Государственного Совета ценнейшую формулировку: одна из целей обучения — сохранение национальной самобытности и культуры народов России. Кто против этого может возразить? Но теперь сформулируйте это в частном случае. Скажите сохранение русской национальной самобытности, русского мирочувствия, русских традиций. На вас руками замашут.

Это началось с ленинской жестокой программы, сознательной программы подавления русского самосознания. И хозяину Мавзолея так удалось прокатать самосознание русское катками, что сейчас мы находимся у конца пути. А между тем, у нас, говорят, русских — четыре пятых населения. Почему я говорю говорят? А потому что точных цифр никто давно не знает. Знаем только одно — идёт вымирание, и русский народ во главе этого вымирания. Об умирании разные цифры даются — 700 тысяч в год, миллион в год. Это — чёрная яма, куда проваливается население. Но уже третий год сознательно откладывают перепись — чтобы не ужаснуться?

Демографический удар — это удар, который уже постиг школу и будет её дальше постигать. Уже сегодня только сокращается и сокращается число учащихся наших школ. И в 2010 году будет сокращена наша численность школьного населения на 30 процентов, на одну треть. Что это значит? Это значит, что сельским малокомплектным школам придёт конец. На просторах России очаги образования перестанут светиться.

— Вы могли себе представить, что Ваши произведения Матрёнин двор, Один день Ивана Денисовича будут в обязательном курсе среднего образования?

— Представить вообще мог. Но дело в том, что сейчас при общем сокращении литературы всякое изучение происходит галопом. Всякое изучение сжато. К сожалению, литература очень страдает. Сейчас сужают число часов, экономят на чтении в младших классах. Чтение — хрупкий способ нашего общения с культурой — всё теснится, сшибается телевидением. Раньше литература бывала четыре раза в неделю, бывала три, сейчас кое-где и два. Литература сводится в таких случаях к перечню писательских имён и к каким-то кратким сведениям о произведениях. Хотя литература на самом деле даёт нам эстетическое образование. Она воспитывает наш вкус, наше чувство родного слова, умение этим словом пользоваться. Она воспитывает наше сердце и душу. Она формирует наш характер и незримо влияет на нашу интеллектуальную жизнь. Приведу пример, что говорил Альберт Эйнштейн. В трудные минуты тяжёлой умственной работы ему помог, кто бы вы думали? Достоевский! Альберту Эйнштейну.

Есть проект упразднить и отдельные уроки русского языка, слить с литературой.

— Александр Исаевич, на заседании Госсовета, например, говорилось, что необходимо сделать, чтобы из такого тяжёлого положения выйти.

— Да, безусловно. У меня выписаны из этого доклада некоторые пункты, самые благие: доступность образования на всех его ступенях. Равный доступ к полноценному образованию. Равные возможности сельских школьников в получении полноценного общего образования. На это нужны будут огромные средства. Может быть, больше, чем оценивается сейчас. А между тем, средства государства обрушены. Мы не расчистили последствий великого грабительства 90-х годов.